Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Н.Н. Глубоковский

О втором послании св. Апостола Павла к Фессалоникийцам

Опубликовано:
Христианское чтение. 1915. № 7-8. С. 1019-1042.

© Сканирование и создание электронного варианта: Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

О второмъ посланіи св. Апостола Павла къ Θессалоникійцамъ *).

По поводу сочиненія профессора Императорской Московской Духовной Академіи священника *Вл. Н. Страхова*: Второе посланіе св. ап. Павла къ Θессалоникійцамъ. Исагогико-экзегетическое изслѣдованіе. Сергіевъ Посадъ 1911. Стр. V'II + 394 + II.

IV.

Вопросъ о „парусіи" у первохристіанъ и ученіе о послѣднихъ временахъ во 2 Θесс. II.

АПОСТОЛЬСКОЕ ученіе предполагаетъ наличность у Θессалоникійцевъ обостренныхъ эсхатологическихъ ожиданій и даетъ соотвѣтственно имъ свои наставленія, почему обѣ стороны совмѣстны и разъясняются взаимно.

1.

„Парусійныя" ожиданія по происхожденію и значенію; ихъ вліяніе среди Θессалоникійцевъ.

Указанная связь вполнѣ безспорна, ибо апостольское рѣшеніе вызвано тѣмъ, что у Θессалоникійцевъ все осложнилось увѣренностію въ немедленномъ наступленіи «дня Господня». Возобладаніе этой напряженности возводится къ причинамъ внѣшнимъ въ видѣ постороннихъ вліяній пророческой экзальтаціи и устно-литературнаго прельщенія (см. выше стр. 475 слл.), при чемъ почвой служили ветхозавѣтно-іудейскія и

*) Продолженіе. См. іюнь.

христіанскія эсхатологическія вѣрованія, а средой, вліявшей на парусійныя ожиданія первыхъ христіанъ, были всѣ тѣ настроенія и томленія, разнообразные слухи и страстныя ожиданія, какія присущи были іудейству и язычеству (отчасти самостоятельно, отчасти подъ вліяніемъ іудейства) въ вѣкъ рожденія Спасителя человѣчества (о. *Вл. Н. Страховъ*, Вѣра въ близость «парусіи», стр. 18 слл., 37, 40—41). Но всѣ эти вѣянія были весьма различны въ іудействѣ и язычествѣ, которыя оставались слишкомъ неодинаковы по религіозно-моральнымъ созерцаніямъ и навыкамъ, а второе не знало іудейской эсхатологіи и не могло сразу проникаться настолько, чтобы именно въ духѣ ея понимать ученіе Христа и Апостоловъ. При этихъ предположеніяхъ ожидалось бы пестрое разнообразіе эсхатологическихъ порывовъ и нельзя было бы объяснить принципіальное единство ихъ въ первохристіанствѣ, гдѣ для сего необходимо допустить благопріятное посредство въ готовомъ парусійномъ влеченіи. Его и нужно освѣтить прежде всего.

На этотъ счетъ высказываютъ догадки о чисто внѣшней обусловленности, ссылаясь, что «время перваго вступленія св. ап. Павла на материкъ Европы совпало съ знаменательнымъ моментомъ всеобщаго ожиданія язычниками скораго конца міра или, по крайней мѣрѣ, какой-то ужасной міровой катастрофы»; тогда «понятно, что ученіе Апостола языковъ о второмъ пришествіи Господа І. Христа и концѣ міра, *при извѣстномъ пониманіи*, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало общему настроенію македонскихъ и, въ частности, Ѳессалоникійскихъ язычниковъ», «ожиданію ими скораго конца міра» (проф. прот. *Ѳ. И. Титовъ*, Первое посланіе св. апостола Павла къ Ѳессалоникійцамъ, Кіевъ 1893, стр. 255, 256). Но такая повышенность и повсюдность эсхатологическихъ томленій въ язычествѣ къ половинѣ перваго христіанскаго вѣка до чрезвычайности преувеличены [1]) и вовсе не раскрываютъ дѣла, поскольку этимъ указывалось бы не происхожде-

[1]) Не только у о. *Вл. Н. Страхова* (Вѣра въ близость „парусіи“, стр. 29 сл.), но и у нѣкоторыхъ другихъ авторовъ, напр., Rev. *R. D. Shaw*, The Pauline Epistles, Edinburgh 1603, p. 36 sq. Оба они ссылаются на Ренана, но сильно преувеличиваютъ по сравненію съ послѣднимъ (*Ernst Renan*: L'Antechrist, Paris 1873, p. 321—339; Der Antichrist, Leipzig 1873, S. 255—269), у котораго и рѣчь лишь о замѣшательствахъ въ междуцарствіе послѣ Нерона до Веспасіана (p. 323; S. 256).

ніе даннаго воззрѣнія во всей его христіанской типичности, а лишь то, почему такая концепція нашла столь широкое распространеніе. Въ этихъ интересахъ аппеллируютъ къ «извѣстному пониманію», оставляя не разрѣшеннымъ главнаго, откуда оно возникло и какъ утвердилось, разъ самъ благовѣстникъ не провозглашалъ и не внушалъ его категорически. Конечно, онъ не забывалъ упоминать о пришествіи Господнемъ и о готовности къ нему, однако впереди всего неизмѣнно стоялъ у него догматъ объ искупляюще-обновляющемъ возрожденіи человѣчества, которое являлось обществомъ избавленныхъ и святыхъ людей. На этомъ основаніи не должно ли было скорѣе придти къ мысли, что теперь прямо устраняется гроза тяжелаго переворота во вселенной, и спасеніе достигнуто окончательно, или устроится спокойнымъ увѣнчаніемъ въ постепенномъ органическомъ разрѣшеніи благодатнаго процесса? Не даромъ тогда ходило мнѣніе, что пришествіе Господа уже совершилось (2 Тим. II, 18) и все протекаетъ помимо его. Это свидѣтельствуетъ, что первохристіанская эсхатологическая напряженность была по существу независима отъ внѣшнихъ факторовъ, поелику была ранѣе ихъ и служила средою воспріятія, какъ мы въ этомъ убѣждались ранѣе и по литературному анализу текста (см. выше стр. 486—487).

Не менѣе несомнѣнно, что источникъ этой эсхатологіи былъ не въ языческомъ прошломъ, поскольку его наслѣдіе почитается простымъ матеріаломъ усвоенія для наличнаго христіанскаго сознанія, которое само воздѣйствовало на разныя вліянія, открывая имъ лишь извѣстное мѣсто больше въ формальномъ отношеніи и всегда окрашивая своимъ свѣтомъ: Все внѣшнее и побочное могло лишь утверждать и укрѣплять парусійную близость, каковая заранѣе допускалась, ибо всѣми ощущалась и переживалась въ нѣдрахъ христіанскаго бытія, какъ его органическое отраженіе. Значитъ, родникъ для сего былъ въ самомъ христіанскомъ настроеніи, въ которомъ тутъ выдѣлялся вполнѣ естественный отголосокъ. Слѣдовательно, здѣсь мы имѣемъ особое внутреннее состояніе, возникшее и развившееся на христіанской почвѣ психологическимъ путемъ. Съ этой стороны довольно понятенъ и весь ходъ образованія [1]). Перво-

[1]) Для сего имѣемъ въ виду и частію утилизируемъ трактатъ On the Belief in the Coming of Christ in the Apostolical Age у † Prof. *Benjamin Jowett*, The Epistles of St. Paul to the Thessalonians, Galatians and Romans: Translation and Commentary (London ³1894), p. 53—66.

начально это было ожиданіемъ Господа — подобно тому, какъ мы ждемъ возврата своихъ близкихъ и лично необходимыхъ намъ людей. Такое состояніе должны были въ высочайшей степени испытывать первые ученики Христовы, пока они не проникали во всѣ тайны грядущаго и не постигали путей провидѣнія. Ихъ по необходимости охватывало гнетущее чувство сиротства, которое въ свою очередь жаждало освобожденія въ достиженіи прежняго довольства. Естественно, если оно не сразу примирялось съ мыслію, что Господь взятъ навсегда, и скорѣе соглашалось считать это простою разлукой предъ окончательнымъ и неразрывнымъ соединеніемъ. И вотъ при этомъ невольно вспоминалось торжественное слово Спасителя (Ін. XVI, 16): *вмалѣ, и къ тому не видите Мене; и паки вмалѣ, и узрите Мя*, когда сердце каждаго наполнялось увѣренною надеждой на скорое лицезрѣніе. Правда, ближайшій опытъ не совсѣмъ согласовался съ этимъ и съ новою энергіей возбуждалъ прежній вопросъ: *что̀ есть сіе? не вѣмы, что̀ глаголетъ* (Ін. XVI, 17, 18), а неизвѣстность оставалась безгласною и непроницаемой. Но наряду съ этимъ внутреннее сознаніе своего возрожденія подсказывало, что душа пригодна для брака и съ радостію стремится во срѣтеніе своему Небесному Жениху, Котораго только и не достаетъ для завершенія благодатнаго союза. Чувство лишенія неразрывно связывалось съ ощущеніемъ готовности и разрѣшилось влеченіемъ къ непосредственному ближайшему общенію. Все покоилось на внутреннемъ преобразованіи, которое было всецѣлымъ и требовало своего увѣнчанія въ полнѣйшей нерасторжимости съ Господомъ, не обращая вниманія на окружающее и отметая его, какъ нѣчто внѣшнее и неподходящее. Не иначе должны были чувствовать и всѣ первенствующіе христіане. Царство Божіе не было для нихъ внѣшнимъ институтомъ, а являлось внутреннею созидающею силой, претворяющею все ихъ духовное существо и восторгающее отъ земли на небо. Достаточно взять три тысячи обращенныхъ въ день Пятидесятницы и сразу возрожденныхъ единымъ Духомъ Божіимъ, чтобы угадать охватившее настроеніе. Это было изъятіемъ изъ обычнаго порядка. Все тутъ откровеніе и вдохновеніе,—сплошное и неизъяснимое чудо. Сила божественная, совокупившая нѣкогда людей въ народы, соединяетъ ихъ теперь въ церковь, буквально даруя и новое сердце и новый языкъ. Раздѣленные прежде,—люди неразрывно связываются

нынѣ вѣрою и любовію во всемірное вѣчное братство. Они видятъ Бога предъ собою, потому что Онъ съ ними и въ нихъ,—и дальше предполагается лишь непосредственная реализація. При этомъ озареніи все внѣ ихъ измѣнялось и исчезало въ своемъ прежнемъ значеніи. Такъ, прошлое оказывалось просто предуготовленіемъ къ настоящему, а въ самомъ послѣднемъ не ощущалось ни длительности, ни постепенности, ибо всюду Господь, близкій къ каждому и находящійся при дверехъ (Мѳ. XXIV, 33. Мрк. XIII, 29). Покрывало отнято съ лица Моисея,—и вѣрующіе живутъ во свѣтѣ исполненія пророчествъ, гдѣ требуется не прибавленіе, но лишь непрерывность пребыванія со Христомъ. Земля имъ уже не нужна, разъ они въ царствѣ Божіемъ, въ коемъ прошедшее и будущее покрываются и поглощаются сладостію нескончаемо блаженнаго настоящаго. Въ этомъ настроеніи христіанскіе первенцы были индифферентны для всего окружающаго и равнодушны къ ходу событій. Когда другіе охвачены своими дѣлами,—они чужды этимъ земнымъ заботамъ, нося въ тайникахъ своихъ всѣ богатства, обезпеченія и радости. Убѣжденные въ своемъ избавленіи и примиреніи съ Богомъ, христіане все имѣютъ въ себѣ. Для нихъ грядущее заключается уже въ наличномъ, будучи независимо отъ всего земного и стремясь только къ скорѣйшему обнаруженію, когда внутреннее сонаслѣдничество будетъ фактическимъ воцареніемъ съ Господомъ. Естественно, что они интересуются однимъ вопросомъ: «доколѣ, Господи?» и увѣрены въ близости своего Спасителя, разъ несомнѣнно сопребываніе Его съ ними, а чрезъ нихъ и во всемъ мірѣ. Въ такомъ случаѣ и въ послѣднемъ все предъ лицемъ Его. Только на одной сторонѣ—царство святыхъ, на другой—дѣющаяся тайна беззаконія. Поэтому и отъ всѣхъ равно недалекъ судъ Божій, то оправдывающій, то обвиняющій, но этимъ свидѣтельствовалась непосредственность окончательнаго кризиса въ борьбѣ между добромъ и зломъ, Христомъ и веліаромъ. Тутъ все и внѣ и внутри говорило о христіанскомъ завершеніи и направляло исключительно къ нему. Понятно отсюда, что когда для насъ Евангеліе служитъ *началомъ* новаго міропорядка,—для первохристіанъ оно было *концомъ* прошедшаго и дарованіемъ самаго будущаго, которое было у нихъ уже фактическимъ обладаніемъ въ блаженствѣ настоящаго. Предъ ними и въ нихъ была полнота временъ, осуществленіе намѣреній Божіихъ, а изліяніе Духа Божія

восхищало ихъ до созерцанія неба отверстаго и Ангеловъ Божіихъ, нисходящихъ чрезъ Сына Человѣческаго на нихъ. Естественно, что и явленіе Христа было для нихъ не столько «пришествіемъ» Его, сколько «присутствіемъ»—παρουσία [1])—въ новой формѣ царственно-славнаго обнаруженія среди сонаслѣдниковъ Своихъ.

Мы видимъ теперь, что интенсивность эсхатологическихъ ожиданій была прямымъ отголоскомъ внутренней жизни обращенныхъ и служитъ характеристикой господствовавшей въ нихъ силы вѣры. Это не догматическая формула, а отраженіе историческихъ настроеній той эпохи, когда все развитіе царства Божія было еще слишкомъ примрачнымъ для людей, почему самъ Спаситель долженъ былъ говорить лишь приспособительно о томъ, чего «око не видѣло», дабы приблизить къ мысли ограниченной тайну того невѣдомаго часа. Здѣсь существенное содержаніе этихъ прикровенныхъ вѣщаній всегда было и будетъ незыблемою опорой надежды христіанской во вѣки, хотя нѣтъ ни чудесъ на небѣ, ни знаменій на небѣ (ср. Дѣян. II, 19) и міръ пребываетъ непоколебимо. Незыблемымъ и непреложнымъ остается одно, что *древняя мимоидоша, се быша вся новà* (2 Кор. V, 17). И вотъ эта «новость» воспринималась первохристіанами въ качествѣ непосредственнаго обладанія и необходимо сопровождалась ожиданіемъ близкаго завершенія въ скоромъ пришествіи Христовомъ, въ каковомъ смыслѣ естественно понимались теперь и ученія о семъ Господа и наставленія Апостоловъ. Это служило отзвукомъ первохристіанскихъ чувствъ и свидѣтельствовало о нихъ, но не являлось «догматомъ искупленія» (*о. Вл. Н. Страховъ,* Вѣра въ близость «парусіи», стр. 41) и ничуть не было догматическимъ утвержденіемъ теоретическаго характера, изобличеннымъ исторіей уже тогда, когда древніе скептики недоумѣнно возражали: *отнелѣ же отцы успоша, вся тако пребываютъ отъ начала созданія* (2 Петр. III, 4), ибо «мы состарѣлись, но ничего такого съ нами не случилось» (1 Клим. 23: 3). На самомъ дѣлѣ вовсе невѣрно, будто св. Павелъ былъ убѣжденъ въ немедленномъ явленіи Христовомъ, надѣялся непремѣнно дожить до него (Dozent *P. Olaf Moe,* Paulus und die evangelische Geschichte, S. 213; Lic. *Kurt Deissner,* Auferstehungs-

[1]) См. выше на стр. 629—630 и ср. еще *James M. Campbell,* Paul the Mystic: a Study in Apostolic Experience (London 1907), p. 108—109.

hoffnung und Pneumagedanke bei Paulus, Leipzig 1912, S. 14), ожидая еще въ своемъ поколеніи (*E. C. Dewick,* Primitive Christian Eschatology, p. 263, 265; Prof. *Arthur C. Headlam*, St. Paul and Christianity, London 1913, p. 27, 30), и даже думалъ года въ два покорить кресту всю вселенную, со включеніемъ язычниковъ (*Fritz Tillmann,* Die Wiederkunft Christi, S. 128—129), а потомъ вынужденъ былъ измѣнить всю свою эсхатологію (ср. *Percy Gardner*, The Religious Experience of St. Paul, London 1911, p. 137—138) [1]), когда онъ утверждалъ лишь одно, что всегда и во всякое время нужно ожидать Господа. Конечно, полное отрицаніе парусійной близости въ первохристіанствѣ достигается насильственнымъ путемъ экзегетическихъ перетолкованій (у *Fr. B.—M. Haghebaert,* L'époque du second avenement du Christ въ «Revue Biblique» III [1894], 1, p. 71—93), однако и обратныя сужденія слишкомъ преувеличены. Рѣчь идетъ не о теоретической доктринѣ, а о жизненномъ настроеніи, которое было отраженіемъ великаго и всепроникающаго дѣйствія благодати спасенія въ первохристіанахъ, ихъ высокаго внутренняго подъема въ сознаніи всегдашней готовности быть съ Господомъ и съ горячимъ желаніемъ сего. Это есть наилучшее свидѣтельство ихъ обновленія, поскольку внутренняя чистота соизмѣрялась и регулировалась критеріемъ достоинства для соединенія со Христомъ, покоилась на всецѣломъ ощущеніи спасительнаго возрожденія и сопровождалась непоколебимымъ упованіемъ обѣщаніямъ Божіимъ о немерцающемъ царствѣ славы и добра. Съ этой стороны парусійная сосредоточенность у Апостола Павла и первохристіанъ вовсе не была «невиннымъ заблужденіемъ» (проф. прот. *Ѳ. И. Титовъ*, стр. 251; см. и *F. Prat,* La théologie de Saint Paul I, Paris 1908, p. 108—109) или «очевидною иллюзіей» (*P. M. Magnien*, La résurrection des morts d'après la première épître aux Thessaloniciens въ «Revue Biblique» N. S. IV [1907], 3, p. 366), которыя надо было обуздывать, какъ опасный энтузіазмъ (см. выше 785). Такъ бываетъ лишь тогда, когда эта напряженность выходитъ изъ нетерпѣнія, изъ недовольства коснѣніемъ (2 Петр. III, 9), по-

[1]) См. и Prof. *Heinrich Weinel*, Biblische Theologie des Neuen Testaments: Die Religion Jesu und des Urchristentums (Tübingen 1913), S. 423, 426, а подробно о семъ сказано у *насъ*, Благовѣстіе св. Апостола Павла по его происхожденію и существу II (Спб. 1910), стр. 921 и др., для чего см. кн. III (Спб. 1912), стр. 52.

тому что говоритъ о недостаткѣ желаемаго въ себѣ и о стремленіи не создавать его вдохновеннымъ усердіемъ, а лишь получить отвнѣ. Сама же по себѣ она проистекаетъ отъ полноты вѣры христіанской,—незыблемой, самопреданной и ангельски свѣтлой, которая заботится единственно о томъ, чтобы всегда быть достойною Господа, ждетъ Его каждую минуту во всѣхъ оружіяхъ Божіихъ, препоясавшись истиною и облекшись въ броню правды (Еф. VI, 14), непрестанно зритъ Его предъ собою въ спокойствіи совѣсти, ибо свое будущее всецѣло носитъ въ настоящемъ. Въ этомъ и причина, почему тайна грядущаго славнаго царства не представлена намъ съ ясностію, поелику «единое на потребу» одинаково довлѣетъ и въ сей вѣкъ и въ будущій. Объ этомъ только и должно помышлять, твердо памятуя, что «Господь близъ» (Филипп. IV, 5). Дѣло уже опыта показать, какое соотношеніе существуетъ между этимъ внутреннимъ всеприсутствіемъ Христа и Его фактическимъ воцареніемъ. Съ этой стороны необходима извѣстная постепенность и въ самомъ откровеніи божественномъ, поскольку, желая быть достояніемъ исторіи, оно приспособляется въ своемъ обнаруженіи къ уровню воспріятія и въ своей глубинѣ всегда бываетъ полно примрачности, будучи окутано покровомъ пророческой образности. Горизонтъ расширяется уже ходомъ событій, и люди просвѣтляются самою жизнію. Въ нихъ понятно—поэтому—и несовершенство познанія, которое не есть еще заблужденіе.

Здѣсь всегда остается незыблемою основная истина по этому предмету, что *не коснитъ Господь обѣтованія* (2 Петр. III, 5), хотя бы въ чувствѣ человѣческомъ и отражалась различно. У первохристіанъ сказывалось ожиданіе близости, но это обращеніе отрицательнаго «незамедленія» въ положительную «скорость» было слѣдствіемъ ихъ возвышеннаго внутренняго настроенія. Послѣднее обнимало всѣхъ христіанскихъ первенцевъ и сопровождалось у нихъ сходными результатами, откуда естественно, что парусійная напряженность является доминирующею въ первенствующей церкви и справедливо почитается типически-характерною для нея. Она возникала совмѣстно съ самымъ благодатнымъ возрожденіемъ и была натуральнымъ запечатлѣніемъ отрѣшенности отъ міра и вознесенія на небо въ нерасторжимомъ союзѣ со Христомъ. Такимъ путемъ подобныя чаянія возросли на чисто христіанской почвѣ и у Ѳессалоникійцевъ, которые, обратившись отъ

идоловъ для служенія Богу живому и истинному, непосредственно ожидали Сына Его съ небесъ для избавленія отъ гнѣва грядущаго (1 Ѳесс. I, 9—10), какъ у іудеохристіанъ крещеніе прямо связывалось съ воскресеніемъ мертвыхъ и вѣчныхъ судомъ (Евр. VI, 2). Будучи строго христіанскимъ и нормальнымъ, это чувство говорило о рѣшительности внутренняго обновленія, удостовѣряло его выспренность и чистоту и повелительно побуждало «со страхомъ и трепетомъ содѣвать свое спасеніе» (Филипп. II, 12) во всемъ своемъ житейскомъ устроеніи. И чѣмъ интенсивнѣе это влеченіе, тѣмъ сильнѣе его преобразующая и дисциплинирующая вліятельность, какъ ослабленіе константируетъ косность и теплохладность (ср. *H. Dieckmann,* Die Parusie Christi, S. 76). Когда бы фактически ни случилось второе явленіе Христово,—это все равно и знать намъ не дано, но разъ *Господь близъ* насъ, то и мы всегда должны быть въ чистотѣ совѣсти, непорочности помысловъ, правдѣ и радости своего облагодатствованія.

Во всѣхъ указанныхъ отношеніяхъ эсхатологическіе порывы были у Ѳессалоникійцевъ христіански естественны и морально возвышенны, не предполагаютъ посторонняго производящаго участія въ происхожденіи и не требуютъ «обуздывающаго» вторженія по своему примѣненію. Это было живымъ отраженіемъ божественнаго идеала и напряженнымъ влеченіемъ къ нему. Но затѣмъ начинается метаморфоза, вызвавшая потрясеніе ума и общее смятеніе съ преобладаніемъ растерянnаго недоумѣнія и устрашающей тревоги. Какъ могло случиться это и не было ли здѣсь особыхъ внѣшнихъ воздѣйствій? Обратимся къ самому апостольскому тексту. Въ немъ констатируется, что Ѳессалоникійцы поколебались отъ увѣренности, *яко уже настоитъ день Христовъ* (2 Ѳесс. II, 2), являясь моментомъ настоящаго (ср. выше стр. 611). Въ этомъ заключалось глубокое отличіе отъ прежняго настроенія. Тамъ было порывистое стремленіе къ горнему съ напряженнымъ усиліемъ слиться съ нимъ возможно скорѣе и полнѣе. Обѣ стороны были фактически раздѣльны, и божественная непрестанно поддерживала человѣческую, сообщая ей свою непоколебимость и усладу. Теперь онѣ сливаются, поскольку ожидаемое почитается настоящимъ. Но реально второе вовсе не было достигнуто, и—значитъ—напряженность человѣческая ослабѣла въ своемъ полетѣ и примирилась съ наличнымъ, какъ совершенно достаточнымъ. Тогда она неизбѣжно лишилась ободрительной вдох-

новенности, почерпаемой въ самой божественной цѣли, и осталась со своими ограниченными средствами краткаго христіанскаго опыта предъ послѣднимъ историческимъ кризисомъ, въ которомъ естественно открывалась уже грозная перспектива осуждающаго и подавляющаго величія. Тутъ понятна и объявшая смущенность собственной безпомощности, между тѣмъ ранѣе послѣдняя поглощалась силою Божіей и почерпала въ ней восторженную радостность. Видимо, совершилось паденіе въ первоначальномъ духовномъ пареніи, а это необходимо сопровождалось аффектомъ робости и страха при ослабленіи духовнаго полета до уровня эмпирической ординарности, гдѣ человѣкъ хорошо и инстинктивно понималъ свою скудость и потому въ малодушіи терялся отъ собственной недостаточности. Онъ сталъ страшиться потому, что потерялъ радостную увѣренность при своемъ пониженіи, когда ожидаемое счелъ исчерпаннымъ въ своемъ настоящемъ.

Чувство смятенности не было внѣшнимъ или побочнымъ придаткомъ, а содержалось въ самомъ фактѣ паденія и вытекало изъ него. Поэтому и вся загадка въ этомъ самомъ событіи, которое мы должны выяснить по его происхожденію и обусловливающимъ факторамъ. Θессалоникійцы были убѣждены въ немедленномъ наступленіи пришествія Христова. Благовѣстникъ рѣшительно устраняетъ это мнѣніе, всецѣло ссылаясь на то, что пока нѣтъ обязательныхъ предвареній. О послѣднихъ же выразительно замѣчается, что, еще находясь у нихъ, Апостолъ говорилъ имъ это (II, 5). И разумѣемыя рѣчи не были мимолетны, а напротивъ являлись обычными (для ἔλεγον см. Prof. *George Milligan*, p. XXXVIII: «he had been in the habit of speaking»). Въ равной мѣрѣ онѣ были и не такъ примрачны или кратки, представляли собою «точныя и подробныя наставленія относительно грядущаго дня Господня» (о. *Вл. Н. Страховъ*, стр. 10), если свои необширныя дополненія св. Павелъ заключаетъ незыблемо увѣренностію: *и нынѣ*—καὶ νῦν—*удерживающее вѣсте* (II, 6), подчеркивая, что хронологически теперь (Prof. *G. Milligan*, p. 100—101; *J. Ev. Frame*, p. 262) читатели хорошо освѣдомлены простымъ апостольскимъ напоминаніемъ въ настоящій моментъ [1]). Ясно, что Θессалоникійцы

[1]) Посему νῦν въ ст. 6-мъ никоимъ образомъ не можетъ быть простою формулой перехода, какъ думаетъ и Prof. *James Moffatt* въ The Expositor's Greek Testament, p. 49, но вопреки сему см. *Jos. Knabenbauer*, p. 137.

достаточно знали объ эсхатологическихъ прецедентахъ, но—вопреки своему просвѣтителю—находили ихъ осуществившимися. Самая мысль о близости «парусіи» могла возникнуть у нихъ только тогда, когда нѣкоторые подмѣтили фактическое сбытіе апостольскихъ предуказаній, при чемъ значительное ея распространеніе и волнующее давленіе предполагаютъ осязательную для всѣхъ наглядность утверждаемаго сближенія. Единственно потому и мнѣніе это сразу пріобрѣло вѣсъ самоподлиннаго ученія Павлова. Въ такомъ случаѣ обязательно допустить, что имѣлись въ виду факты наличной окружающей дѣйствительности, наиболѣе отвѣчавшіе величію «дня Господня». По сему предмету у насъ нѣтъ точныхъ данныхъ, но мы не лишены нѣкоторыхъ опоръ для вѣроятныхъ рѣшеній. Здѣсь для насъ весьма важно, что—по удаленіи Апостола изъ Ѳессалоники—въ ней снова возгорѣлось гоненіе на христіанъ, чего не случилось бы безъ всякихъ реальныхъ поводовъ. При этомъ крайне знаменательно, что сейчасъ главными виновниками были, кажется, язычники (2 Ѳесс. I, 4 сл.). Хотя и это совершилось не безъ подстрекательства и соучастія іудеевъ, однако доминирующая роль принадлежала эллинамъ, которые усмотрѣли достаточный мотивъ для возобновленія преслѣдованій. Естественно, что для нихъ основаніе могло быть по преимуществу политическимъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ и прямое соотношеніе съ прежнимъ нападеніемъ. А во время визита Павла послѣднее оправдывалось политическимъ обвиненіемъ, будто «всесвѣтные возмутители... поступаютъ противъ повелѣній Кесаря, почитая другого царемъ [и именно] Іисуса» (Дѣян. XVII, 6, 7). Значитъ, и потомъ было нѣчто подобное, только уже не совсѣмъ фиктивное, ибо захватило всю общину и побудило эллинизмъ грозно подняться на своихъ соплеменниковъ. Отсюда необходимо вытекаетъ, что нѣкоторые изъ Ѳессалонникійскихъ христіанъ—при большомъ сочувствіи всего братства—усмотрѣли политическія предвѣстія откровенія суда Господня и утвержденія царства Божія. И въ этомъ направленіи было достаточно горючаго матеріала для жаждущей парусійной напряженности. Въ ней молодое вино вѣры Христовой безпощадно крушило іудейско-эллинскіе ветхіе мѣхи древняго соціально-религіознаго уклада и неотложно требовало иныхъ формъ для своего богатаго и мощнаго содержанія. Но душа пока не пріучилась думать, что искомое нужно создавать своими усиліями личнаго преображенія, и скорѣе ожидала,

что оно будетъ свыше, какъ и возродившая ее благодать. Апостолъ не устранялъ этого прямо своими таинственными рѣчами о временахъ и лѣтахъ (1 Θесс. V, 1 сл.), а рѣшительнымъ и исключительнымъ удареніемъ на неожиданности пришествія «дня Господня» даже располагалъ внимательно прислушиваться къ шороху подкрадывающагося вора. Фактически же былъ почти разрѣшающійся громъ, почему настроенный односторонне умъ неотразимо предчувствовалъ свирѣпую бурю и заранѣе впадалъ въ смятеніе отъ неизвѣстности, спасется онъ или погибнетъ. И, дѣйствительно, политически-религіозный горизонтъ былъ тогда далеко не благополученъ и барометръ стремительно спускался къ роковому термину «гроза!». Св. Павелъ говорилъ о всеобщимъ отступленіи:—но развѣ незаслуженное гоненіе отъ соплеменниковъ не было горестнымъ свидѣтельствомъ, что язычество совершенно отпало отъ добра, поскольку демонически попираетъ его въ принципѣ и примѣненіи? Сейчасъ—при этой мрачной трагедіи сатанинскаго неистовства—іудейство спряталось за кулисы, однако продолжало свою антихристіанско-богоборческую работу, ибо не возвѣщалъ ли и самъ проповѣдникъ (1 Θесс. II, 16) конечный гнѣвъ на него отъ Бога? Сфера для явленія «человѣка беззаконія» была какъ будто вполнѣ готова, и тревожная мысль усердно оглядывалась кругомъ. Она понимала всю его необычайность въ связи съ внѣшнею властію, потребной для реализаціи грандіозно-страшныхъ и универсально-пагубныхъ плановъ, а кто былъ выше и могущественнѣе императора, и допускалась ли хоть тѣнь сомнѣнія въ этомъ? Сказано, что сынъ беззаконія «откроется»,—и это достаточно подходило къ личности царствовавшаго тогда (24 января 41 г.—13 октября 54 г.) престарѣлаго (род. 1 августа 744 г. а С. U., за 10 лѣтъ до р. Хр.) и изжившаго Кесаря Клавдія (см. Tacit. Annal. XII; Suet. Claud.; Cass. Dion. Lx). Послѣдніе годы его правленія были прямо зловѣщи, и онъ «обнаруживался» для всѣхъ въ качествѣ всеобщаго бича со своею неестественною мнительностію. Этотъ деспотъ преслѣдовалъ интересы своего абсолютнаго верховенства, превышающаго всякое величіе—и божеское и человѣческое, поелику думалъ совмѣщать ихъ въ себѣ. Онъ наложилъ свою руку на іудеевъ и наряду съ ними изгналъ изъ Рима и христіанъ (Дѣян. XVIII, 2). У страха глаза велики, и передъ нимъ теперь неотступно рисовались ужасныя сцены попранія всего святого и священнаго при

всецѣломъ возобладаніи демоническаго торжества. При такихъ условіяхъ и вдохновенныя откровенія, и устныя дидактически-назидательныя внушенія, и письменныя наставленія Апостола получили новое освѣщеніе, пріобрѣли неотразимую эсхатологическую отчетливость и оказались авторитетными свидѣтелями близкой міровой катастрофы.

2.

Пророческій характеръ 2 Ѳесс. II и экзегетическое истолкованіе свидѣтельствъ объ „отступленіи“ и „человѣкѣ беззаконія“, ὁ τὸ κατέχον и ὁ κατέχων.

Въ предшествующемъ начертанъ ходъ развитія парусійныхъ смятеній въ Ѳессалоникѣ. Разумѣется, нельзя ручаться за пунктуальную точность этого воспроизведенія, и въ подробностяхъ все дѣло могло быть много иначе. Но здѣсь важно лишь самое главное, а все это болѣе или менѣе несомнѣнно и сводится къ немногимъ основнымъ положеніямъ. Прежде всего мы видимъ, что обсуждаемое напряженіе могло возникнуть и создаться въ самой христіанской атмосферѣ изъ непосредственныхъ душевныхъ порывовъ благодатнаго возрожденія. Оно было столь глубокимъ, что прежнее хожденіе по стихіямъ міра смѣнилось у язычниковъ всецѣлою реакціей въ полномъ отрѣшеніи отъ него и сосредоточилось на страстномъ, дѣтски-невольномъ и чистомъ ожиданіи Сына Божія съ небесъ для устроенія совершеннѣйшаго порядка на развалинахъ стараго грѣховнаго космоса. Это было натуральнымъ влеченіемъ возрожденнаго къ Возродившему и являлось возвышеннымъ стремленіемъ къ сліянію съ Нимъ, почему служило радостію и крѣпостію новаго бытія, сильнаго и своею благодатною свѣжестію и неисчерпаемымъ богатствомъ общенія со своимъ первоисточникомъ. Но это состояніе напряженной надежды постепенно должно было достигать привычной увѣренности, которая естественно разрѣшалась чувствомъ насыщенія въ достаточности наличныхъ запасовъ. Тутъ было извѣстное удовлетвореніе, но оно утверждалось за счетъ паденія первоначальной выспренности, а вмѣстѣ съ нею лишалось ея отличительныхъ преимуществъ и сопровождалось неудержимымъ возвращеніемъ въ сферу человѣческой ограниченности, откуда рождалось тревожное сознаніе слабости съ неизбѣжнымъ колебаніемъ смущенія. Какъ исконная парусійная интенсивность,

такъ и позднѣйшая эсхатологическая осязательность возрожденныхъ эллиновъ находили свою опору въ собственныхъ христіанскихъ переживаніяхъ и выростали изъ нихъ съ достаточною непринужденностію и натуральностію. Во всякомъ случаѣ такимъ путемъ дѣло удовлетворительно разъясняется во всѣхъ существенныхъ чертахъ, и всѣ добавочныя вліянія способны только затемнить его. По этой причинѣ нѣтъ ни малѣйшей необходимости искать постороннихъ агентовъ для пониманія Θессалоникійскихъ эсхатологическихъ осложненій, которыя бы требовали для себя внѣшнихъ условій и побочныхъ факторовъ. Этимъ устраняется надобность въ особомъ апокрифическомъ письмѣ апостольскомъ, ненужномъ и по литературно-контекстуальнымъ соображеніямъ (см. выше стр. 481 сл.). Но тогда упраздняются и всякія дальнѣйшія догадки даннаго рода о тѣхъ или другихъ эсхатологическихъ вѣяніяхъ, которыя могли быть заносными и очаровать Θессалоникійцевъ своею соблазнительностію. Наука должна довольствоваться достаточнымъ и не въ правѣ осложнять свои задачи излишнимъ или неизвѣстнымъ, будетъ ли это нѣчто эмпирическое или чрезвычайное. Въ этомъ отношеніи Θессалоникійскій эпизодъ раскрывается по всей своей типичности изъ первохріанскихъ стихій и потому не даетъ ни повода, ни мѣста для иныхъ истолкованій.

Наряду съ этимъ мы получаемъ, что Θессалоникійцы пришли въ тревогу отъ реалистической увѣренности въ наступившемъ пришествіи Христовомъ, усмотрѣвъ конкретныя знаменія его въ окружающемъ строѣ тогдашняго государственно-политическаго уклада. Конецъ міра они подмѣтили, конечно, въ самомъ тогдашнемъ строѣ и—значитъ—базировались въ своемъ напряженіи на политически-историческихъ сближеніяхъ. Но Апостолъ Павелъ не допускалъ перваго и, слѣдовательно, отрицаетъ второе, чтобы парусія условливалась политическими факторами и опредѣлялась ими въ качествѣ производнаго результата. Въ силу этого и предвѣщанія о ней оказываются отрѣшенными отъ историческихъ аналогій и параллелей (ср. Lic. Dr. *Martin Dibelius* въ Handbuch zum Neuen Testament herausg. von Hans Lietzmann, III, S. 34: «ohne Seitenblick auf Zeitgeschichte»), поскольку сами предрекаютъ свойственные историческіе факты, которые не могутъ стать моментами исторіи помимо ея, хотя неизмѣнно подготовляются, какъ всегда близко и пришествіе Господа.

Здѣсь религіозное пророчество (ср. у проф. о. *Н. В. Петрова*, Объ антихристѣ, стр. 8 и въ «Православномъ Собесѣдникѣ» 1912 г., № 2, стр. 164), а не политическій діагнозъ. Противъ этого доселѣ ссылаются на то, что во всемъ изображеніи благовѣстникъ пользуется своего рода тайнописью († Prof. Dr. *Moritz v. Aberle*, Einleitung in das Neue Testament, S. 184: «...sich einer solchen Darstellungsweise, welche einer Geheimsprache gleichkommt, zu bedienen»), а въ II, 6 выражается осторожно касательно «удерживающаго» (Prof. *B. Jowett*, Essay on the man of sin 2 Thess. II въ The Epistles of St. Paul I, p. ^{3}100), яко бы, потому, что тутъ содержатся политическіе намеки, и обнаруженіемъ ихъ онъ не хотѣлъ навлекать административной злобы на себя и на читателей (Prof. *George Milligan*, p. 101; Rev. *R. D. Shaw*, The Pauline Epistles, Edinburgh 1903, p. 42; Prof. *C. Toussaint*, Épites de Saint Paul I, Paris 1910, p. 153). Однако едва ли возможно уловить этотъ оттѣнокъ во всемъ анализируемомъ отрывкѣ со включеніемъ II, 6. По отношенію къ нему возможны два предположенія. Или напоминается сообщенное ранѣе и теперь только поясняемое:—въ такомъ случаѣ нѣтъ тутъ ни малѣйшей прикровенности по соображеніямъ политическаго благоразумія не менѣе, чѣмъ и въ другихъ пунктахъ, ибо Ѳессалоникійцы заранѣе знали все дѣло, и Апостолу не было надобности распространяться, въ чемъ будетъ самая простая и естественная причина его «прикровенности». Или читатели лишь сейчасъ поняли τὸ κατέχον:—тогда «ни по единому же образу» оно не было политическимъ. Это рѣшеніе по существу совпадало бы съ Ѳессалоникійскимъ убѣжденіемъ и, нѣсколько отодвигая срокъ, укрѣпляло бы первохристіанскую мысль въ прежнемъ настроеніи, поднимало и санкціонировало его, доставляло богатый горючій матеріалъ для парусійной пламенности. Пусть τὸ κατέχον пока еще доминируетъ:—но при извѣстной политической измѣнчивости государственнаго строя и при быстротечномъ чередованіи его носителей постоянная возможность міровой катастрофы была бы вѣчнымъ источникомъ тяжелыхъ колебаній, какъ это и бывало всегда въ исторіи при подобныхъ расположеніяхъ и въ силу ихъ. Св. Павелъ, желая внести отрезвленіе, шелъ бы противъ своихъ непосредственныхъ намѣреній, потому что лишнихъ 10—20—50 лѣтъ политической сдержки скорѣе удлинняли бы и взвинчивали общее напряженіе, а вовсе не обезпечивали

ни душевнаго спокойствія вѣрующихъ, ни мирнаго развитія христіанской жизни. По этимъ причинамъ апокалиптическое откровеніе Апостола оказывается не политическою иллюстраціей и не историческимъ гаданіемъ, оставаясь религіознымъ предреченіемъ. Оно—предметъ вѣры, но ничуть не видѣнія и направляетъ души къ моральному бодрствованію, «да день насъ якоже тать не постигнетъ» (1 Θесс. V, 4), и чтобы безпечная сонливость не была наказана справедливымъ приговоромъ (Мѳ. XVI, 3): *лицемѣри, лице убо небесе умѣете разсуждати, знаменій же временомъ не можете искусити.* Съ этой стороны апостольскія слова стремятся пріучить и воспитать чувствительную воспріимчивость къ предвѣстникамъ зари пришествія Господа «со славою и силою многою». Вся рѣчь является пророческимъ назиданіемъ, почему и въ непосредственномъ контекстѣ предваряется и сопровождается увѣщаніями моральнаго характера.

Въ итогѣ всего мы получаемъ чрезвычайно важный результатъ, что апостольское разъясненіе Θессалоникійцамъ о «днѣ Господнемъ» есть чистое пророчество во всѣхъ своихъ частяхъ и должно быть понимаемо въ этомъ собственномъ смыслѣ. Естественно, если здѣсь мы не можемъ достигнуть несомнѣнности, и каждый заранѣе долженъ согласиться съ блаж. Августиномъ, что alius sic alius autem sic apostoli obscura verba conjectant, какъ и самъ онъ при всемъ своемъ страстномъ желаніи проникнуть въ нихъ достигъ лишь неутѣшительнаго результата: ego prorsus quid dixerit [Apostolus] me fateor ignorare (De civitate Dei XX, 19 въ Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum vol. XL, pars II, Vindobonae 1900, p. 447, 472). Нужно по необходимости ограничиться главнымъ и основнымъ, памятуя, что «prophecy is itself the glass through which the prophet looks forward into the future» (*B. Jowett* l. cit. I, p. [3]96). А для всякаго истиннаго пророчества требуется не—разгадать его въ самомъ конкретномъ содержаніи, такъ какъ это значило бы видѣть то, чего еще нѣтъ фактически, т. е. видѣть не существующее и произвольно или мечтательно создавать это неизвѣстное. Главное для него будетъ въ томъ, чтобы постигнуть непосредственно значеніе пророческаго предваренія на основаніи его самого и—слѣдовательно—помимо внѣшнихъ привнесеній и побочныхъ сопоставленій. Такое принципіальное требованіе и здѣсь устраняетъ посторонніе сближенія, заставляя углубляться внутрь апостольскихъ

вѣщаній и всецѣло сосредочиваться лишь на нихъ, не отвлекаясь къ инороднымъ пособіямъ, которыя не могли быть виновниками и вовсе не служатъ истолкованіемъ пророчества. Послѣднее осуществится независимо, а потому и раскрываться должно самимъ собою. Теоретически истинное,—это положеніе будетъ и фактически прочнымъ, коль скоро оправдаетъ себя ближайшимъ анализомъ. Этимъ научная пытливость направляется отъ всякихъ побочныхъ документовъ къ подлинному апостольскому тексту для уразумѣнія его въ пророческомъ духѣ. Достигается ли такимъ путемъ удовлетворительное пониманіе, которое было пригодно для Ѳессалоникійцевъ и достаточно для насъ? Если да, то предъ нами пророчество, возникшее изъ божественнаго вдохновленія и не нуждающееся во внѣшнихъ источникахъ для своего происхожденія и раскрытія; если нѣтъ,—это историческая проекція будущаго, опирающаяся на историческія аналогіи настоящаго и постигаемая изъ нихъ чрезъ соотвѣтствующіе памятники. Разсмотримъ предметъ съ этой точки зрѣнія.

Апостолъ рѣшительно свидѣтельствуетъ, что нѣкогда послѣдуетъ явленіе Христово, но его будутъ предварять отчетливыя знаменія, дабы люди не колебались въ духовномъ смятеніи отъ неожиданности нападенія всегубительства (1 Ѳесс. I, 8). Всякое такое безпокойство фактически безпочвенно и потому прямо воспрещается (см. Prof. *Ernest De Witt Burton*, Syntax of the Moods and Tenses in New Testament Greek, p. 276, § 166; Prof. *Ludwig Radermacher*, Neutestamentliche Grammatik: das Griechisch des Neuen Testaments in Zusammenhang mit der Volkssprache, Tübingen 1911, S. 134: 2). Прежде случится отступленіе, которое точно означается, какъ именно ἡ ἀποστασία (2 Ѳесс. II, 3). Членъ при этомъ и другихъ терминахъ подчеркиваетъ вовсе не то, что разумѣется «величины, извѣстныя читателямъ» (о. *Вл. Н. Страховъ*, стр. 27, 327; см. и Prof. *C. Toussaint*, Épitres de Saint Paul I, p. 151). Даннымъ способомъ этого грамматически ничуть не выражается съ несомнѣнностію, а фактически исчезли бы всякія затрудненія предъ задачей, въ которой всѣ слагаемыя вполнѣ знакомы. Отмѣчается лишь нѣчто строго типическое, которое носитъ индивидуальныя свойства, выдѣляясь изъ всего сроднаго своею собственною характерностію. Посему и здѣсь въ общемъ нужно найти соотвѣтствующій частный моментъ, содержащій предполагаемыя качества въ спеціальной концен-

траціи совершенно особеннаго воплощенія. Но употребленное греческое слово констатируетъ покиданіе какой-либо нормы всякаго рода и вида, когда въ отступленіи отъ нея она отставляется въ сторону и будетъ просто внѣ пути, который идетъ уже помимо ея, хотя бы и параллельно (ср. Biblisch-theologisches Wörterbuch der neutestamentlichen Gräzität von † Prof. D. Dr. *Hermann Cremer*, 10-te Aufl. von Prof. Julius Kögel, Gotha 1913, S. 531). Существо этого акта заключается не въ преступаніи и поруганіи взятаго принципа, ибо въ такомъ случаѣ послѣдній сохранялъ бы свою обязательность, поскольку лишь при ней мыслимо нарушеніе ея по грѣховной слабости и по ожесточенному противоборству, съ энергіею насильственнаго попранія, а сего не можетъ быть при отсутствіи и отверженіи заправляющаго регулятора. Въ ἀποστασία удостовѣряется убѣжденное отметаніе по сознательному пренебреженію и всецѣлому презрѣнію, какъ отбрасываютъ вредную или гнусную вещь. Теперь вся загадка въ томъ, къ чему относится это дѣйствіе,—и отвѣтомъ на этотъ вопросъ озарится для насъ тайна всего грознаго и примрачнаго историческаго феномена. Далѣе читаемъ, что при ἀποστασία водворится «человѣкъ беззаконія». О немъ съ удареніемъ сказано: ἀποκαλυφθῇ—обнаружится, выйдетъ на свѣтъ изъ прячущей его оболочки. Отсюда непосредственно вытекаетъ, что страшный субъектъ прикровенно пребываетъ и раньше, а затѣмъ только «покажется» или «объявится», какъ послѣ (II, 7) и упомянуто, что *тайна уже дѣется беззаконія*. Бытіе его разумѣется въ предшествующемъ съ необходимостію, но въ эту минуту онъ лишь выступитъ явно. Совершится это обнаруженіе, конечно, потому, что для этого будутъ подходящія условія въ ἀποστασία по внутреннему ея сродству богопротивнику, которому вся тогдашняя среда будетъ благопріятна и соотвѣтственна по природѣ. Очевидно, что эссенціальныя ихъ качества одинаковы и характерны взаимно для обѣихъ сторонъ. По богопротивнику мы въ правѣ безошибочно судить и о предварящей его ἀποστασία. Въ ближайшихъ квалификаціяхъ есть колебаніе между ἁμαρτία и ἀνομία, но должно согласиться съ о. Вл. Н. Страховымъ (стр. 241), что разницы существенной тутъ нѣтъ, а все-таки (—вопреки проф. *А. Д. Бѣляеву*, О безбожіи и антихристѣ I, стр. 459—460—) правдоподобнѣе второе (ср. *J. Ev. Frame*, p. 253), ибо оно требуется связью съ τὸ μυστήριον τῆς ἀνομίας и естественнѣе въ

контекстѣ рѣчи, гдѣ грѣховность самоочевидна и нуженъ былъ мотивирующій ее факторъ въ «беззаконничествѣ». Наряду съ послѣднимъ указывается еще другой, параллельный и равный ему, въ ἀπώλεια. Оба они квалифицированы членами и отличаются строгою опредѣленностію, при чемъ отношеніе къ нимъ описываемаго субъекта характеризуется сыновствомъ. Внѣ всякихъ сомнѣній и споровъ, что этимъ знаменуется натуральная родственность, когда интересующія качества пріобрѣтаются и удерживаются аналогично физическимъ особенностямъ человѣческаго происхожденія и наслѣдованія. Ясно, что это будетъ порожденіемъ и воплощеніемъ самаго рѣзкаго беззаконія (ср. Пс. LXXXVIII, 23: υἱὸς ἀνομίας), которое, будучи всецѣло пагубнымъ, уже при самомъ его возникновеніи сообщитъ ему свою пагубность, неизбѣжно и неотвратимо навлекающую конечную погибель (ср. Апок. XVII, 8, 11: εἰς ἀπώλειαν ὑπάγει). Богопротивникъ, являясь homo legum nullarum (*Jos. Knabenbauer*, p. 135), вмѣститъ въ себѣ гибельную беззаконность, каковая заранѣе будетъ подготовляться и содержаться въ ἀποστασία, какъ беззаконно пагубной по своему существу и вліянію. Теперь находимъ, что роковое отступленіе будетъ отличаться беззаконіемъ и пагубностію, хотя они сильнѣе сконцентрируются и ярче олицетворятся въ ужасномъ индивидуумѣ. Теперь легче постигнуть самую природу этого акта по фактическимъ свойствамъ. Это не могло быть покиданіе іудеями номизма (ср. Дѣян. XXI, 21: ἀποστασία ἀπὸ Μωυσέως) [1]), поскольку именно привязанность къ нему грозитъ безповоротнымъ гнѣвомъ Божіимъ (1 Ѳесс. II, 16), а забвеніе его послужитъ надежнымъ и счастливымъ залогомъ, что *тако весь Израиль спасется* (Рим. XI, 26). Самою своею противностію прежнимъ—эти результаты абсолютно исключаютъ для ἀποστασία догадку объ Израильскомъ отпаденіи отъ закона, но неменѣе невѣроятно, чтобы Апостолъ допускалъ для іудейства въ будущемъ извращеніе еще больше, чѣмъ нынѣшнее (1 Ѳесс. II, 14 слл.) [2]), когда онъ предвидитъ именно спасительное возрожденіе. Едва ли нужно опровергать (напр., *J. Ev. Frame*, p. 251), что язычеству и терять было нечего въ смыслѣ утраты какой-либо обязательной священности. По взаимному

[1]) Однако къ сему склоняется и *B. Jowett* l. cit. I, p. 3101.

[2]) См. Rev. *R. D. Shaw*, The Pauline Epistles, p. 43, 46; Rev. *H. A. A. Kennedy*, St. Paul's Conceptions of the Last Things. p. 218 и ср. *Fritz Tillmann*, Die Wiederkunft Christi, S. 131.

убѣжденію писателя и читателей, у нихъ ранѣе было лишь ложное служеніе мертвымъ идоламъ (1 Θесс. I, 9), и они во всякомъ случаѣ не имѣли такого спасительнаго источника, котораго надо было держаться ради самосохраненія, поелику его нельзя покинуть безъ самой опасной и непоправимой бѣды. Вопреки сему при ἀποστασία Апостолъ предполагаетъ въ оставляемомъ величайшее благо, лишеніе коего является сколько вполнѣ беззаконнымъ, столько же и неотвратимо гибельнымъ. Понятно до неотразимости, что для св. Павла все это могло заключаться единственно въ благодатномъ искупленіи Христовомъ, и онъ предвидѣлъ его богохульное отверженіе въ концѣ дней, когда будутъ отметаемы всѣ сокровища христіанскаго царства Божія (ср. *F. Prat*, La théologie de Saint Paul II, p. 512; Lic. Dr. *Hans Preuss*, Der Antichrist, Gr. Lichterfelde—Berlin 1909, S. 9). Въ этомъ пунктѣ благовѣстникъ всецѣло совпадаетъ съ ученіемъ Спасителя и отсылаетъ къ нему. Мы знаемъ, что Господь въ свое время тоже предупреждалъ: *обаче Сынъ человѣческій пришедъ убо обрящетъ ли вѣру на земли* (Лк. XVIII, 8), ибо *за умноженіе беззаконія, изсякнетъ любы многихъ* (Мѳ. XXIV, 12). Посему несомнѣнно, что св. Павелъ предусматриваетъ оставленіе или отстраненіе Евангелія, каковое—въ свою очередь—немыслимо безъ его всеобщаго распространенія. Лишь при подобномъ условіи сатанинскаго извращенія человѣческой природы станетъ возможнымъ и чудовищное воплощеніе зла. Это будетъ беззаконіе спеціальнаго типа (τῆς ἀνομίας), какъ освобожденіе себя отъ закона христіанскаго въ сторону распущенно-неукротимаго аномизма. Таково натуральное свойство даннаго субъекта, и потому онъ неизбѣжно обрекается на погибель, въ самомъ своемъ зарожденіи воспринимая ея заразу (ὁ υἱὸς τῆς ἀπωλείας), которая будетъ пагубною и для всѣхъ приверженцевъ. Тутъ обнаружится господство принципіальной антихристіанской вражды, но кто настроенъ столь ожесточенно противъ блага абсолютнаго, тотъ еще менѣе будетъ стѣсняться съ относительнымъ. Въ силу этого описываемый субъектъ окажется неограниченнымъ и всецѣлымъ ὁ ἀντικείμενος (II, 4), будучи противникомъ всему доброму по существу, какъ ничтожному предъ нимъ. Въ основѣ тутъ лежитъ горделивое превозношеніе съ безмѣрнымъ превосходствомъ враждебности [1]) надъ всѣмъ, что почитается божественнымъ и свя-

[1]) Въ II, 4 ἐπί значитъ „противъ“ и равно относится къ обоимъ предшествующимъ причастіямъ, связаннымъ общимъ членомъ: ср. Prof.

щеннымъ даже въ язычествѣ. Хотя послѣднее не чуждо богохульнику и составляетъ продуктъ его раннѣйшаго губительнаго вліянія, однако онъ будетъ сокрушать и это, направляясь на искорененіе самаго чувства религіозности со всѣми задатками всякаго богопочтенія. Судя по упоминанію «глаголемаго бога» (ср. 1 Кор. VIII, 5), котораго нѣтъ ни основаній, ни вѣроятій относить (съ Lic. Dr. *Martin Debelius* въ Handbuch zum Neuen Testament III, S. 31) къ истинному божеству,—всею этою фразой характеризуются собственно ложные языческіе культы во всѣхъ разновидностяхъ, какъ въ Дѣян. XVII, 23 σεβάσματα означаютъ священночтимые у язычниковъ алтари и статуи (изображенія), что̀ несомнѣнно для Прем. Солом. XIV, 20. XV, 17 (Дан. о Вил. 27 у Ѳеодот.) и утверждалось позднѣйшимъ словоупотребленіемъ (Аристида Апологія, гл. 12 въ «Texts and Studies» ed. by J. Armitage Robinson I, 1, Cambridge ²1893, p. 107: οὐ γὰρ ἠρκέσθησαν—οἱ Αἰγύπτιοι—τοῖς τῶν Χαλδαίων καὶ Ἑλλήνων σεβάσμασιν), отожествлявшимъ съ идольствомъ (у блаж. Ѳеофилакта εἴδωλα и ср. Прем. Сол. XIV, 20 съ XIV, 12 εἴδωλα, XIV, 15 εἰκών, XIV, 16 τὰ γλυπτά), въ какомъ растворялось языческое дробленіе божественности (блаж. Ѳеодоритъ въ Graec. affect. curatio 2 fin., по изд. у Joannes Raeder'a p. 67, обращается къ язычникамъ: οὐκέτι τὸ θεῖον εἰς πολλὰ μερίσετε σεβάσματα — σέβας). Борясь съ языческимъ богопочитаніемъ, противникъ съ тѣмъ бо́льшею силой устремится на истинное, дабы стереть съ земли всякую божественность. Можно сказать, въ этомъ и заключается фактически предположенная цѣль всѣхъ дѣйствій (ὥστε с. infin. см. Prof. *Ernest De Witt Burton,* A Syntax of the Moods and Tenses in the New Testament Greek, p. ²149, § 371*b*), чтобы, начавъ съ легчайшаго, потомъ свободно овладѣть самымъ труднымъ. Такимъ ходомъ предрѣшается вѣроятное истолкованіе и загадочной замѣтки касательно ὁ ναὸς τοῦ Θεοῦ. Безспорно, что въ этомъ сочетаніи второй членъ указываетъ Бога *не* глаголемаго, или подлинное Божеское Существо христіанской вѣры. По этой причинѣ и ὁ ναός, — въ отличіе отъ σέβασμα, — предполагаетъ храмъ христіанскій, па-

---

Paul Wilhelm Schmiedel въ Hand-Commentar zum Neuen Testament bearbeitet von Prof. D. H. J. Holtzmann u. And. II, 1 (Freiburg i B. ²1892), S. 37; Prof. *Ernst v. Dobschütz* у Meyer'a ⁷X, S. 274; *J. Ev. Frame,* p. 255—256.

раллельный языческимъ святилищамъ, но только истинный домъ Божій. Отсюда имѣемъ, что по всему контексту эти термины совсѣмъ нельзя примѣнять къ храму небесному, какъ это принимаютъ нынѣ даже не поборники миѳологическихъ теорій (напр., *J. Ev. Frame*, p. 256, 257). Съ другой стороны, нѣтъ ни необходимости, ни побужденій понимать дѣло непремѣнно съ реалистическою буквальностію, хотя это защищается доселѣ по объективнымъ литературнымъ даннымъ (у Prof. *George Milligan*, p. 100). Тогда пришлось бы считаться съ двумя возможностями, одинаково не безспорными. Первая—та, что разумѣется наличный храмъ Іерусалимскій, однако разрушеніе его было предсказано Господомъ въ качествѣ неизбѣжнаго возмездія (Мѳ. XXIV, 1—2. Мрк. XIII, 1—2. Лк. XXI, 5—6) и должно было ожидаться гораздо ближе, чѣмъ внушалось Ѳессалоникійцамъ. Если же мыслить возстановленный храмъ Іерусалимскій предъ кончиною міра, то 1) это мнѣніе возникло въ іудействѣ послѣ исторической даты 2 Ѳесс., а 2) въ христіанствѣ воспринято еще позднѣе и при томъ именно ради этихъ апостольскихъ словъ, но не помимо ихъ, когда они могли бы независимо относиться къ этой традиціи, между тѣмъ сама она создавала имъ свое толкованіе; 3) въ христіанскихъ кругахъ это нестойкое и несобственное вѣрованіе было отголоскомъ іудейскихъ ожиданій и совершенно не объясняетъ, почему бы Апостолъ допускалъ возобновленіе, когда его смѣнятъ осквернение и разгромъ. Нужно помнить, что въ замѣткѣ о превознесеніи противника надъ всѣмъ, почитаемымъ богомъ или святынею, благовѣстникъ раскрываетъ только дерзновенное попраніе общечеловѣческой религіозности своимъ возвышеніемъ. Естественно, что и теперь эта идея прилагается къ христіанству съ тѣмъ же оттѣнкомъ, что изображаемое лицо «сядетъ въ храмѣ Божіемъ» и утвердитъ свой престолъ вмѣсто существующаго, упразднивъ христіанскій своимъ,—измышленнымъ. Выраженіе—явно фигуральное (см. *Jos. Knalenbauer,* p. 136) и констатируетъ богоборческую попытку (ср. Іезек. XXVIII, 2) подавленія христіанства новою религіей съ претензіями на превосходство предъ нимъ. Посему нѣтъ надобности разумѣть церковь христіанскую въ матеріальномъ смыслѣ или тропически, какъ совокупность всѣхъ вѣрующихъ въ качествѣ членовъ тѣла Христова. Это пониманіе (ср. 1 Кор. III, 16—17. VI, 19. 2 Кор. VI, 16. Еф. II, 21) выдвигалось многими патристи-

ческими авторитетами (Злат.: καθ' ἑκάστην ἐκκλησίαν; Ѳеодоритъ: ναὸν δὲ θεοῦ τὰς ἐκκλησίας ἐκάλεσεν; Ѳеодоръ Мопс.: in Dei templis, hoc est, et in domibus orationum; Іерон. epist. 121: in templo Dei vel Jerosolymis, ut quidam putant, vel in ecclesia, ut verius arbitramur) и фактически правильно, усматривая здѣсь истинное христіанское богопочитаніе. Но у св. Павла рѣчь не о реалистическомъ событіи богохульнаго водворенія въ какомъ-либо храмѣ, а о дерзостномъ устраненіи христіанства съ отверженіемъ и попраніемъ его абсолютнаго достоинства и міродержавнаго владычества [1]). Конечно, это вовсе не будетъ объективнымъ уничтоженіемъ и сведется лишь къ демоническому покушенію. Ἀντικείμενος станетъ орудовать исключительно путемъ подмѣны, самъ выдавая себя предъ другими, ὅτι ἔστιν θεός, хотя внутренно вполнѣ сознаетъ свою лживость (ср. *І. В. Борковъ*, О знаменіяхъ второго пришествія Господа Іисуса Христа, стр. 357), какъ ὁ ἄνομος (II, 8) или беззаконникъ эссенціальный. Всюду въ немъ проглядываютъ черты принципіально демоническія, а потомъ объ немъ категорически сказано (II, 9), что его пришествіе совершится по нарочитому и активному дѣйствію сатанину (κατ' ἐνέργειαν τοῦ σατανᾶ). Это все прежній «человѣкоубійца искони» (Ін. VIII, 44), который въ религіозномъ сумракѣ человѣческой исторіи господственно обходилъ всю поднебесную (Іов. I, 7. II, 2), который на зарѣ христіанскаго обновленія усвоялъ всѣ царства міра и славу ихъ (Мѳ. IV, 8, 9. Лк. IV, 6, 7) и который предъ разсвѣтомъ немерцающаго дня блаженства вѣчнаго дерзнетъ утвердить свою универсальную державу.. Тѣмъ не менѣе выраженіе апостольское рѣшительно исключаетъ догадки о собственномъ сатанинскомъ воплощеніи (ср. *J. Ev. Frame*, p. 253; см. и у св. *Ефрема Сирина* 2-е слово на пришествіе Господне въ Твореніяхъ, ч. III, Москва ³1882, стр. 221—222: «не самъ онъ воплотится, но въ образѣ его придетъ всескверный») и удостовѣряетъ лишь то, что всюду и во всемъ будетъ сказываться тогда абсолютный демонизмъ намѣреній и средствъ, настроеній и поступковъ, стремленій и осуществленій. Все-же это и не простая метафора крайняго развитія зла, поелику употребленные термины строго индивидуальны и обязательно отсылаютъ къ конкретной личности. Въ общей массѣ предре-

[1]) Ср. даже и *І. В. Борковъ*, О знаменіяхъ второго пришествія Господа Іисуса Христа, стр. 144, 356; 145.

ченныхъ Господомъ лжепророковъ и лжехристовъ св. Павелъ выдѣляетъ типическую фигуру одного, въ коемъ сконцентрируются всѣ силы демоническаго богоборчества, какъ «дьявольскаго Мессіи» (*Gustav Goennicke*, Die neutestamentliche Weissagung vom Ende, Gr. Lichterfelde—Berlin 1907, S. 23: «eine Art Teufelsmessias»). Онъ продолжитъ сатанинскую работу своихъ предшественниковъ и своими обольщеніями подготовитъ судъ невѣровавшимъ истинѣ, а возлюбившимъ неправду, пока Христосъ при второмъ пришествіи не уничтожитъ его самымъ явленіемъ Своимъ, какъ дуновеніе свѣжаго вѣтра разсѣеваетъ губительный туманъ (II, 8) *).

Н. Глубоковскій.

*) Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии

www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки